

ОБРАЗЫ «ДОМА» И «РОДИНЫ» В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРОЗЫ ЭМИГРАНТОВ

Постановка проблемы. Данная статья посвящена выделению ключевого для социально-исторического уровня эмигрантской литературы концепта, представляющего различные «полюса» персоналистской парадигмы автобиографической прозы.

Новизна исследования. Высказано предположение, что категории автобиографизма и мемороцентризма на данном уровне оказываются связаны не столько с политикой, сколько с позиционированием автора-эмигранта в инокультурной стране.

В качестве объекта анализа выбраны произведения тех авторов, в чьем наследии прослеживается контаминация жанров, смещение привычных рамок жанра под влиянием пограничных, трагических обстоятельств. Такой выбор позволяет не только получить максимально объемную и исчерпывающую картину данного исторического отрезка, но и проследить эволюцию автобиографической прозы с учетом традиций и коренных изменений в сознании авторов.

В исследованиях достаточно широкого круга ученых автобиографическая проза используется как неисчерпаемый фактографический источник (В.П. Казарин [1], И.М. Богоявленская [2], Е.К. Беспалова [3], А.В. Ишин [4], В.Н. Петров [5], С.В. Филимонов [6] и др.). Однако в свете персонализма историко-социальный уровень, как правило, представлен проблемами «народ и революция», «власть и история». Отсутствие литературоведческих трудов, посвященных исследованию автобиографической прозы эмиграции как истории личности в контексте истории, дает нам возможность определить ключевые концепты данного уровня, выявить наиболее типичные авторские позиции.

Заметим, что основой для создания авторской картины мира в воспоминаниях служили практическая деятельность или жизненный опыт художников, что приводило к документальной константе автобиографической прозы. Концепт памяти на данном уровне демонстрирует дистанцирование авторов от мелочного и суетного, усиление реализма и масштабности в изображении событий, казавшихся ранее незначительными.

Писатели-эмигранты придерживались различных политических взглядов или сознательно декларировали свою аполитичность. Например, Н. Тэффи в авторском предисловии к «Воспоминаниям» говорит, что здесь читатель не найдет «ни прославленных героических фигур описываемой эпохи..., ни разоблачений той или иной политической линии, ни каких-либо «освещений и умозаключений» [7, с. 268], а интересуют ее «исключительно простые» люди и происшествия. Другой эмигрант, В. Корсак, описывая ситуацию в Киеве, взятом белыми, называет, прежде всего, политические приметы власти. Для

«генеральских воспоминаний» характерна меткая обрисовка политической ситуации, указание на движущие и тормозящие ход истории обстоятельства.

Таким образом, эмигрантская литература репрезентует эволюцию историко-социальных воззрений тех авторов, которые осознавали, что для них все поставлено на кон, от самого простого – еды и семьи, до самого сложного – этических ценностей и мировоззрения. Главным на этом этапе было осознать причины происходившего в России начиная с рубежа XIX – XX веков и назвать виновных в трагедии революции, террора, эмиграции. Автор невольно типизирует свои реакции, берет на себя роль судьи, выбирает тот сегмент истории, чему был свидетелем, с чем непосредственно сталкивался в определенный момент личной истории. Три стилевых потока – быт, теософия, философия – объединяются главенствующим мотивом: «... было много печали, и общей всем нам, и у каждого своей, отдельной» [7, с. 276].

Исходя из вышесказанного, объединяющими и одновременно дифференцирующими не могут выступать ни концепт «власть», ни концепт «политика». Принимая во внимание то обстоятельство, что выделяемый для данного уровня ключевой концепт, прежде всего, должен быть адекватным для конкретных условий, стоит сконцентрировать внимание на более глубоких понятиях и убеждениях. По мысли Л. Бугаевой, «Динамика изменений ментального пространства русской литературы за пределами России в XX веке в целом следует общей логике переосмысления локализованной концепции дома и места; при этом писатели русской диаспоры демонстрируют, осознанно или неосознанно, некие общие поведенческие стратегии, формирующие ментальный ландшафт воображаемого сообщества современной диаспорной литературы как некоего целого» [8, с. 51]). Ментальный ландшафт литературы эмиграции, в первую очередь, был связан с концептом «дом».

В изгнании актуализируется именно концепт «дом», а не «родина», так как в спокойной, статичной ситуации, безусловно, в сознании любого человека присутствует концепт «Родина». Он заложен так глубоко, что в творчестве обычно реализуется через такие понятия, как «малая Родина», «родная земля» и т.д. Однако выбранные нами персоналии связаны с катастрофичным состоянием истории и человеческой психики – эпохой исторического перелома, резкого всплеска социальной активности, трансформации мировоззрений, топосов и прочего. В пограничных условиях топос «Родина» деполитизируется, меняет концептуальное поле. Концепт «Родина» многоуровневый: есть региональные чувства, есть национальное чувство родины, есть универсальное чувство родины. Традиционно эмигрантскую литературу рассматривали только через концепт «родина». Однако стоит обратить внимание на многозначительное заявление видного политического деятеля В.В. Шульгина [450]. Он утверждал, что эмиграция отвергла советский строй и в этом смысле в какой-то степени отвергла отечество. Тем самым закономерно найти такой концепт в автобиографической прозе эмиграции, который не содержит

политическую оценку оставленной родины, однако отражает отношение личности к ней.

В этом контексте уместно говорить о «внутренней эмиграции», причем у художественной интеллигенции она обычно предшествует внешней, а у военных и политиков – следует за ней. Следует отметить, что именно на социально-историческом уровне персонализма в литературе русской эмиграции ярче всего проявляется украинская тема. В украинском контексте эмиграция не только столкнулась с самыми разнообразными политическими силами, но и увидела в конкретном локусе (и отразила спустя годы в автобиографическом творчестве) назревающие конфликты между старыми и новыми воззрениями, неуместность монархических идеалов, трагедию стихии и неуправляемого бунта, породивших грязь, физическую и нравственную. Вот почему содержательным ядром социально-исторического уровня персонализма становится не фигура политика (это область социологических исследований), а концепт «дома».

Правомерность подобного ракурса рассмотрения автобиографического материала подчеркивается и рядом исследований, в которых образ дома представлен эквивалентом образа родины. Например, в работе С. Габдуллиной также рассматривается концепт «дом/родина», однако она определяет специфику своего взгляда на материал так: «Но в отличие от литературоведа, который может идти от замыслов к стилю, языковед должен найти или увидеть замысел посредством тщательного анализа самой словесной ткани литературного произведения» [10, с. 7]. Поэтому в центре внимания названного автора стало присутствие темы дома и родины в поэтических текстах М. Цветаевой (около 300 стихотворений) и поэтов русского зарубежья первой волны эмиграции (около 500 стихотворений). Подробный контекстологический анализ направлен на уточнение тех или иных смысловых составляющих концепта ДОМ/РОДИНА.

Нельзя не отметить, что концепт «дом» в эмигрантском творчестве действительно представляет собой универсальное понятие. Именно он объединяет тех, кто был далек от политики, и тех, кто ставил интересы государства выше личных. Именно в автобиографической прозе этот концепт актуализировал персоналистский, а не политизированный взгляд на события. Ставшее уже стереотипным исследование темы «родины» в автобиографической прозе русской эмиграции может, таким образом, обогатиться новыми деталями.

В автобиографической прозе первой волны русской эмиграции воспоминание о «доме» достаточно частотно. Например: «Несколько в стороне от других усадеб, нарушая симметричность широкой улицы, белел небольшой домик» (И. Савин) [11, с. 145], «В петербургском доме была у отца большая библиотека» (В. Набоков) [12, с. 203], «Итак, в доме у нас отец говорил всегда по-русски...» (А. Деникин) [13, с. 12], «С мыслями о будущем я вернулся домой» (В. Корсак) [14, с. 63]. Не все эмигранты видели доминанту в политике

или истории, но в памяти сохранялось эмоциональное пространство того, что личность считала своим домом. Количественная характеристика не статична – у одних дом протяжен в пространстве, у других локализован: этот концепт связан с ретро-картинами и синхрон-картинами и демонстрирует миграцию авторского пространства и времени. Введение образа дома в текст воспоминаний позволяло сохранять себя и свою культуру в инокультурных условиях. Дом – это тот минимум, где человек может реализоваться в кризисных условиях.

Предположим, что в парадигме эмигрантских персоналий, выстроенной на основе данного концепта, авторы будут располагаться в следующем порядке: на одном полюсе те, кто видит свой дом как конкретное жилище, малую родину, на другом – те, для кого дом лишен четкой локализации в пространстве (сюда можно отнести и тех, кто не использует концепт «дом», апеллируя к бездомности). Срединная позиция представлена творчеством тех, кто расширяет свое личное пространство, чей конкретный дом тяготеет к символу. Также можно утверждать, что заявленная Ю.М. Лотманом оппозиция «дом-анти-дом» достаточно репрезентативна в автобиографической прозе эмиграции.

Следует отметить, что наиболее реалистично дом описан почти всегда в эпизодах детства. Дом представлен в автобиографической прозе на этом временном отрезке достаточно дифференцированно – дом, расширяющийся до усадьбы, лес, березовая роща. Это малая родина. Ассоциативное поле вокруг того или иного концепта выражается на уровне тропов.

Возможно, самый ранний дом, который есть в произведениях выбранных нами писателей, встречается в «Других берегах» у В. Набокова – «колыбель качается над бездной» [12, с. 135]. Моделируя свойства набоковского автобиографизма только на основании этого материала, можно отметить поразительно раннюю память нарратора. С другой стороны – колыбель соседствует с бездной (катастрофизм, контрастность, парадокс).

Другой взгляд представлен в эпосе И. Шмелева «Солнце мертвых» [15]. Здесь дом представлен как дача, одинокий домик. Собственно, это уже не дом, а развалюха в условиях гражданской войны. Очень четкая локализация в топосе позволяет отнести эту модель концепта к синхрон-картинам. В облике дома автор отражает настоящее ощущение человека, который не проезжает по пространствам гражданской войны, а в ней живет. И хоть есть крыша над головой, но нет стабильности. Шмелев не использует детские воспоминания, не заглядывает в будущее, так как у него каждый день бездна.

Симптоматично, что Шмелев не вспоминает колыбель, потому что в синхрон-картинах преобладает отчаяние и страх, забота о том, чтобы близкие были живы и сыты. Тот домик, из которого он каждый день стремится выйти, представлен, скорее, как убежище. Он далек от понимания того, что для истинно религиозного человека было очевидно: дом – это удел. Главный герой изображен как верующий по привычке, по детскому чувству: человек убежден, что в кого-то надо верить. Детская вера сочетается у И. Шмелева с сомнением,

так как авторский герой пытается предъявить Богу счет и крайне податлив на внешние обстоятельства.

Третий вариант концепта «дом» возникает на страницах «Пути русского офицера» А.И. Деникина. Социально-исторический конфликт разворачивается параллельно с конфликтом характера и обстоятельств. Подчеркивая, что «я лично... не так уж тяготился юнкерским режимом» [13, с. 37], автор ни разу не говорит, что ему было комфортно в условиях казармы или штаба. Мы не встретим эмоционального описания собственного места службы, восхищения четкостью и регламентированностью военной жизни.

В то же время А. Деникин называет в качестве «дома» то, что у других, гражданских авторов, выступает как «анти-дом». Это маневры, на которых царит атмосфера настоящего марша: «с каким увлечением и радостью все чины полка участвовали в таких внепрограммных упражнениях <...> Было и поучительно, и весело» [13, с. 213] Примечательно в этом контексте уподобление общей атмосферы дружбы и душевности, особых казацких обычаев, отчаянной храбрости и высоких боевых качеств мищенковской дивизии товариществу украинских казаков: «Так жили и воевали в нашей «Запорожской Сечи» [13, с. 155], возможно, почерпнутое из «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя и подчеркивающее демократизм и свободолобие.

Как ни странно, но именно в условиях антиюта, кризисных и опасных, автор ощущает себя среди своих и на своем месте, так как в военное время «все перегородки стирались сами собой и индивидуальная храбрость и сообразительность получали одинаковое признание», «с волнующим чувством я встречал впоследствии в истории войны наименования: <...> «Деникинская сопка»» [13, с. 131]. Дом для А. Деникина локализуется в тех условиях, где его завышенное самолюбие получает адекватную масштабу личности оценку.

Итак, анализ концепта «дом» не только проявляет особенности хронотопа автобиографической прозы на этическом уровне, но и позволяет наметить два противоположных вектора эмигрантской памяти: (резкое расширение, потому что своей задачей писатель видит сохранение вещной памяти) или протяженность во времени (обращение к историческому контексту). Отмечается желание сохранить все достаточно значимое для личности, так как эмигранты начинают понимать, что вскоре мир прошлого, известная им культура исчезнет вообще. Поэтому осмысление дома становится более масштабным.

В то же время концепт «дом», столь часто встречающийся в мемуаристике, трансформируется во временное жилище, убежище. Анализируя на этом уровне концепт «дом», можно также проследить, как даже сходные по своему предметному наполнению «свои» пространства, например, темный домик у А. Деникина (автобиографическое повествование «Путь русского офицера») и И. Шмелева («Солнце мертвых»), оказываются разновекторными: если для первого это та обстановка, в которой может быть комфортно обывателю, но тесно незаурядной личности, то для второго – это убежище,

пусть временное и шаткое, но связывающее с прошлым и субъективно значимое. На историко-социальном уровне «дом» становится одним из ядерных концептов, так как позволяет оценить интерференцию и дифференциацию авторского чувства ностальгии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казарин, В.П. Белые и красные – трагически схлестнувшиеся в смертельном противостоянии патриоты единого отечества / В.П. Казарин. – Крымский Архив. – № 10. – 2007. – С. 6-12.
2. Богоявленская, И.М. Тема смерти и воскресения в эпосе И.С. Шмелева «Солнце мертвых» / И.М. Богоявленская // Филол. студии. – 2001. – № 3. – С. 180-183.
3. Беспалова, О.К. Кримський макроміф у житті та творчості В.В. Набокова: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.02 / О.К. Беспалова; [ТНУ ім. В. І. Вернадського]. – Сімф., 2006. – 20 с. – укр.
4. Ишин, А.В. Неизвестные страницы гражданской войны в Крыму: год 1921-й / А.В. Ишин // Крымский Архив. – 2002. – № 8. – С. 11-25.
5. Петров, В.Н. Печать врангелевского Крыма: по мемуарным материалам / В. Н. Петров // Вісник Ун-ту внутр. справ. – 1999. – Вип. 7, ч. 1. – С. 97 – 105.
6. Филимонов, С.Б. К истории религиозно-философских обществ в Крыму в годы Гражданской войны: новые материалы о С.Н. Булгакове / С.Б. Филимонов // Крымский архив. – 2002. – № 8. – С. 52-64.
7. Тэффи. Ностальгия: рассказы, воспоминания / Тэффи. – Л. : Худож. лит., 1989. – 450 с.
8. Бугаева, Л.П. Эмиграция как феномен. – Режим доступа: [http://cimbiof.Emigration. Est//12.12.2009](http://cimbiof.Emigration.Est//12.12.2009) г. – (проверено 22.12.10 г.)
9. Шульгин, В.В. Годы. Дни. 1920 / В.В. Шульгин. – М.: Новости, 1990. – 832с.
10. Габдуллина, С.Р. Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: дис... канд. филол. наук/ С.Р. Габдуллина. – М., 2004. – 243 с.
11. Крымский альбом: историко-краеведческий литературно-художественный альманах/ по ред ред. Д. Лосева. – Вып. 3. – Феодосия; М.: Изд. дом Коктебель, 1998. – 237с.
12. Набоков, В.В. Другие берега / В.В. Набоков. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 544 с.
13. Деникин, А.И. Путь русского офицера / А. Деникин. – М.: Прометей, 1990. – 304с.
14. Корсак, В. У белых / В. Корсак // Юность. – 1990. – № 10, – С. 62-74.
15. С того берега: писатели русского зарубежья о России: произведения 20-30 гг.: кн. 2 / [сост. И.А. Курамжина]. – М.: Водолей, 1992. – 427с.

Аннотация

Резник О.В. Образы «дома» и «родины» в свете социально-исторического дискурса прозы эмигрантов

В данной статье автор делает попытку представить автобиографическую прозу первой волны русской эмиграции как явление персонализированное и разновекторное. В качестве объединяющего и дифференцирующего концепта для социально-исторических аспектов автобиографизма выбран концепт «ДОМ». Нарративные стратегии представителей первой волны русской эмиграции изучены в историко-культурном и литературном контексте эпохи. Представлена парадигма авторов для социально-исторического дискурса русской эмиграции.

Ключевые слова: первая волна русской эмиграции, автобиографическая проза, концепт.

Анотація

Резнік О.В. Образи «дому» та «батьківщини» у світлі соціально-історичного дискурсу прози емігрантів

В даній статті автор робить спробу представити автобіографічну прозу першої хвилі російської еміграції як явище персоналізоване і різновекторне. Як концепт, що поєднує та диференціює, для соціально-історичних аспектів автобіографізму обраний концепт «ДОМ». Наративні стратегії представників першої хвилі російської еміграції досліджено в історико-літературному контексті доби. Представлена авторська парадигма для соціально-історичного дискурсу російської еміграції.

Ключові слова: перша хвиля російської еміграції, автобіографічна проза, концепт.

Summary

O.Reznik The image of "home" and "Homeland" in light of the historical discourse prose emigrants

In this article the author makes an attempt to present autobiographical prose of the first wave of Russian emigration as a phenomenon and personalized multi-vector. As a unifying and differentiating concept for socio-historical aspects of selected autobiographical concept of "home." Narrative strategies of the representatives of the first wave of Russian emigration were investigated in historical and literary context of epoch. Authors presented a paradigm for the socio-historical discourse of the Russian emigration.

Key words: the first wave of Russian emigration, autobiographical prose, and the concept.

Статья рекомендована к печати на заседании кафедры филологии Крымского республиканского института последипломного педагогического образования от 29. Об. 11г., протокол № 6.